

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ

С каждым днём
и богаче и краше
Расцветает
Отечество наше.
Наших
братских республик
народы
К коммунизму
сплочённо идут.
Дружбу их закалили
и годы,
И бои
за свободу
и труд.

ОКТАБРЯТА — ЛЮДИ БУДУЩЕГО!

Л.П. РЕЗАУССКИЙ,
член КПСС с 1906 года

1917

В ЖУРНАЛЕ «МУРЗИЛКА» МНЕ ПОКАЗАЛИ СОЧИНЕНИЯ, КОТОРЫЕ ПИСАЛИ ОКТАБРЯТА СОВСЕМ НЕДАВНО ПО ПРОСЬБЕ РЕДАКЦИИ.

«Я ЖИВУ В СТРАНЕ ОКТАБРЯ» — ТАК ОНИ НАЗЫВАЛИСЬ, ЭТИ СОЧИНЕНИЯ. НЕ СКРОЮ, Я С БОЛЬШИМ ИНТЕРЕСОМ ВЗЯЛ В РУКИ ТОЛСТЕНЬКУЮ ПАЧКУ ЛИСТКОВ.

ДА, МЫ ВСЕ ЖИВЁМ В ОДНОЙ ВЕЛИКОЙ И ПРЕКРАСНОЙ СТРАНЕ — СТРАНЕ СОВЕТОВ, СТРАНЕ ОКТАБРЯ. НО Я-ТО ЖИВУ В НЕЙ ВСЕ 60 ЛЕТ, С САМОГО ЕЁ РОЖДЕНИЯ В ОКТАБРЕ 1917 ГОДА. Я ВМЕСТЕ С МОИМИ ТОВАРИЩАМИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА ПОМОГАЛ ЕЁ РОЖДЕНИЮ. А СЕГОДНЯШНИМ ОКТАБРЯТАМ, ГОВОРИЛ Я СЕБЕ, ВСЕГО-ТО ПО ДЕСЯТЬ, А ТО И МЕНЬШЕ ЛЕТ. ЧТО ЖЕ ОНИ ЗНАЮТ О СВОЕЙ СТРАНЕ, О ЧЁМ ДУМАЮТ!

ЛЕНА НИКИТЕНКО В СВОЁМ СОЧИНЕНИИ ПИШЕТ: «ПОДУМАТЬ ТОЛЬКО, ЕСЛИ БЫ НЕ БЫЛО СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ, ТО НЕ БЫЛО БЫ ОЧЕНЬ МНОГОГО! НАПРИМЕР, ПИОНЕРСКИХ ЛАГЕРЕЙ. А МНЕ ТАК НРАВИТСЯ НАШ ЛАГЕРЬ «МАЯК». Я КАЖДОЕ ЛЕТО ТУДА ЕЗЖУ. ТАМ МНЕ ХОРОШО И ВЕСЕЛО».

А СЕРЁЖА САНИН ВОТ О ЧЁМ ЗАДУМАЛСЯ: «МОЯ БАБУШКА БЫЛА НЕГРАМОТНОЙ, ОНА РАБОТАЛА У БАРИНА ПРИСЛУГОЙ. У НЕЁ НИЧЕГО СВОЕГО НЕ БЫЛО. НЕ ПРОИЗОШЛА БЫ РЕВОЛЮЦИЯ, ОНА ТАК И УМЕРЛА БЫ ПРИСЛУГОЙ. МОЙ ПАПА НЕ СТАЛ БЫ ИНЖЕНЕРОМ, А Я БЫ, НАВЕРНОЕ, СТАЛ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ».

«СЛОВО «ДРУЖБА» В НАШЕЙ СТРАНЕ — САМОЕ ГЛАВНОЕ», — УВЕРЕНА НАТАША САВОНЬКО. «МЫ НИКОГДА НИ НА КОГО НЕ ПОЙДЕМ ВОЙНОЙ», — ЗНАЕТ КАТЯ АНДРИАНОВА.

«ВОТ БЫЛО БЫ СМЕХУ, — ВЕСЕЛО ПИШЕТ ТИМА СОКОЛОВСКИЙ, — ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ СКАЗАЛ БЫ: «НЕ ХОДИТЕ СЮДА, ТУТ МОЙ ЛЕС!», ИЛИ СТАЛ БЫ ГНАТЬ С РЕЧКИ: «ЭТО МОЯ РЕЧКА!» ЕМУ БЫ СКАЗАЛИ: «ТВОЁ, ТВОЁ! ТОЛЬКО И МОЁ, И ВОТ ЕГО, И ВОТ ЕЁ». НО У НАС ТАКИХ НЕТ, КОТОРЫЕ ВСЁ ХОТЕЛИ БЫ ЗАГРАБАСТАТЬ СЕБЕ ОДНОМУ».

ЧИТАЮ Я РЕБЯЧЬИ СОЧИНЕНИЯ ОДНО ЗА ДРУГИМ, И НА ДУШЕ У МЕНЯ СТАНОВИТСЯ ВСЁ ТЕПЛЕЕ, ВСЁ РАДОСТНЕЕ.

КАКИЕ ЖЕ ОНИ МОЛОДЦЫ, НАШИ ОКТАБРЯТА! ВСЕ ВМЕСТЕ, ПОМОГАЯ ДРУГ ДРУГУ, ОНИ УВИДЕЛИ ОЧЕНЬ МНОГО ВАЖНОГО, ТАКОГО, ЧТО И НАС, ВЗРОСЛЫХ ЛЮДЕЙ, ЗАСТАВЛЯЕТ ГОРДИТЬСЯ НАШЕЙ РОДИНОЙ, ВЕЛИКОЙ СТРАНОЙ ОКТАБРЯ.

В ДАЛЕКОМ 1919 ГОДУ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН ГОВОРИЛ, ЧТО ВНУКАМ НАШИМ МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ ТРУДНО БУДЕТ ПРЕДСТАВИТЬ, КАК МОГЛИ ПРИНАДЛЕЖАТЬ КОМУ-ТО ОДНОМУ ФАБРИКИ И ЗАВОДЫ, КАК МОГ ОДИН ЧЕЛОВЕК НАЖИВАТЬСЯ ЗА СЧЁТ ДРУГОГО, КАК МОГЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ ЛЮДИ, НЕ ЗАНИМАВШИЕСЯ ТРУДОМ.

ВАМ СЕГОДНЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ТРУДНО СЕБЕ ВСЁ ЭТО ПРЕДСТАВИТЬ!

БЛИЗИТСЯ БОЛЬШОЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК — 60-ЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТАБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

БЛИЗИТСЯ ДЕНЬ, КОГДА ПРОЕКТ НОВОЙ КОНСТИТУЦИИ СССР СТАНЕТ ОСНОВНЫМ ЗАКОНОМ НАШЕГО СОВЕТСКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА.

В НЁМ БУДЕТ ЗАПИСАНО ТО, ЧЕГО МЫ, СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ, ДОСТИГЛИ ЗА ШЕСТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ. И ТО, ЧТО МЫ СТАЛИ МОГУЧЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕРЖАВОЙ, И ТО, ЧТО СОВЕТСКИЙ НАШ НАРОД СИЛЁН ДРУЖБОЙ И ЕДИНСТВОМ ВСЕХ БРАТСКИХ НАРОДОВ СССР, И ТО, ЧТО РАБОЧИЙ, КРЕСТЬЯНИН, ЧЕЛОВЕК УМСТВЕННОГО ТРУДА ПЛЕЧОМ К ПЛЕЧУ ТРУДЯТСЯ ДЛЯ ОБЩЕЙ НАШЕЙ И САМОЙ ГЛАВНОЙ ЦЕЛИ — ДЛЯ КОММУНИЗМА.

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН, ГОВОРЯ О ВНУКАХ, ОЧЕНЬ ВЕРИЛ В НИХ. ОН ВЕРИЛ, ЧТО ДЕТИ ЕЩЁ УСЕРДНЕЕ, ЧЕМ ОТЦЫ, БУДУТ СТРОИТЬ НОВУЮ, СЧАСТЛИВУЮ, КОММУНИСТИЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ.

БУДЬТЕ ЖЕ ДОСТОЙНЫ ЭТОЙ ЛЕНИНСКОЙ ВЕРЫ В ВАС, ОКТАБРЯТА, ВНУЧАТА ИЛЬИЧА! ВЕДЬ ВАМ ПРЕДСТОИТ СОЗДАВАТЬ БУДУЩЕЕ РОДИНЫ. ЗНАЧИТ, ВЫ — ЛЮДИ БУДУЩЕГО!

НАШЕЙ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ СЛАВА!

1977

НАШ СОВЕТСКИЙ РАБОЧИЙ

В. БАХРЕВСКИЙ

Вот сталевар.
Он друг огня,
Земное солнце плавит.
Швее — игла,
Войскам — броня,
В колхоз — железного коня:
Рад послужить державе!

Мы утром вместе видим вас,
В погоды, в непогоды.
Ты — в школу,
А рабочий класс —
На стройки и заводы.

Рис. В. ДУВИДОВА

НАГРАДЫ РОДИНЫ

ОРДЕН СЛАВЫ

Дорогой друг! Рассказы о наградах Родины продолжают.

Во время Великой Отечественной войны был учреждён орден Славы трёх степеней. Знаки всех степеней одинаковые — пятиконечные звёзды, в середине которых изображения кремлёвской башни, ленты тоже одинаковые — на них оранжевые полосы чередуются с чёрными. Отличаются ордена тем, что орден третьей степени серебряный, второй степени с позолоченной серединой, первой степени — золотой.

Орденом Славы награждали бойцов за подбитый танк фашистов, за смелость в атаке, за сбитый самолёт, за спасение раненых товарищей...

Награждённым орденами Славы всех трёх степеней присваивалось внеочередное воинское звание. Рядовым, ефрейторам и сержантам — звание старшины, старшинам — младшего лейтенанта.

Орден Славы — почётная награда защитникам Родины. Людей, которые награждены всеми тремя орденами, вот сколько — 2456 человек.

Лес расступился перед Алёшей и открыл поляну в высоких травах, цветах, истекающих мёдом, по которым ползали пчёлы.

Пчелиный гул был густ и деловит, и мальчуган не шевелился, притих, чтобы не мешать пчёлам работать, и собрался было отступить в лесные потёмки, как над головой загрохотало.

Над поляной, закрыв её всю тяжёлой тенью, повис вертолёт, и цветы и травы закрутились воронками.

Вертолёт обдал Алёшу с головы до ног нагретым воздухом и опустился железным брюхом в мягкие травы.

Алёша собрался было бежать со всех ног — он первый раз рядом видел вертолёт, но не побежал.

Вертолёт, как огромная пучеглазая лягушка, сидел в травах, а над ним, пострекозиному взблескивая, крутились лопасти.

«Рассмотрю его как следует, а после убегу, — решил Алёша. — Что он мне сделает?»

Открылась железная дверь, и на поляну выбрался летчик — румяный парень в синей форме. На груди его краснот горел комсомольский значок. Лётчик снял фуражку, вытер лоб и сказал: — Ясное море.

Алёша ждал, что же лётчик скажет ещё.

— Мальчик, — спросил лётчик, — это Лещёвый лог?

— Нет. Это поляна...

— А где Лещёвый лог? — удивился лётчик.

— Вы на солнышко летите, — махнул рукой Алёша, — и сверху увидите вятский рукав — Паползиху. Тут и будет прогалина — Лещёв лог.

— Узнаю я его?

— Должны.

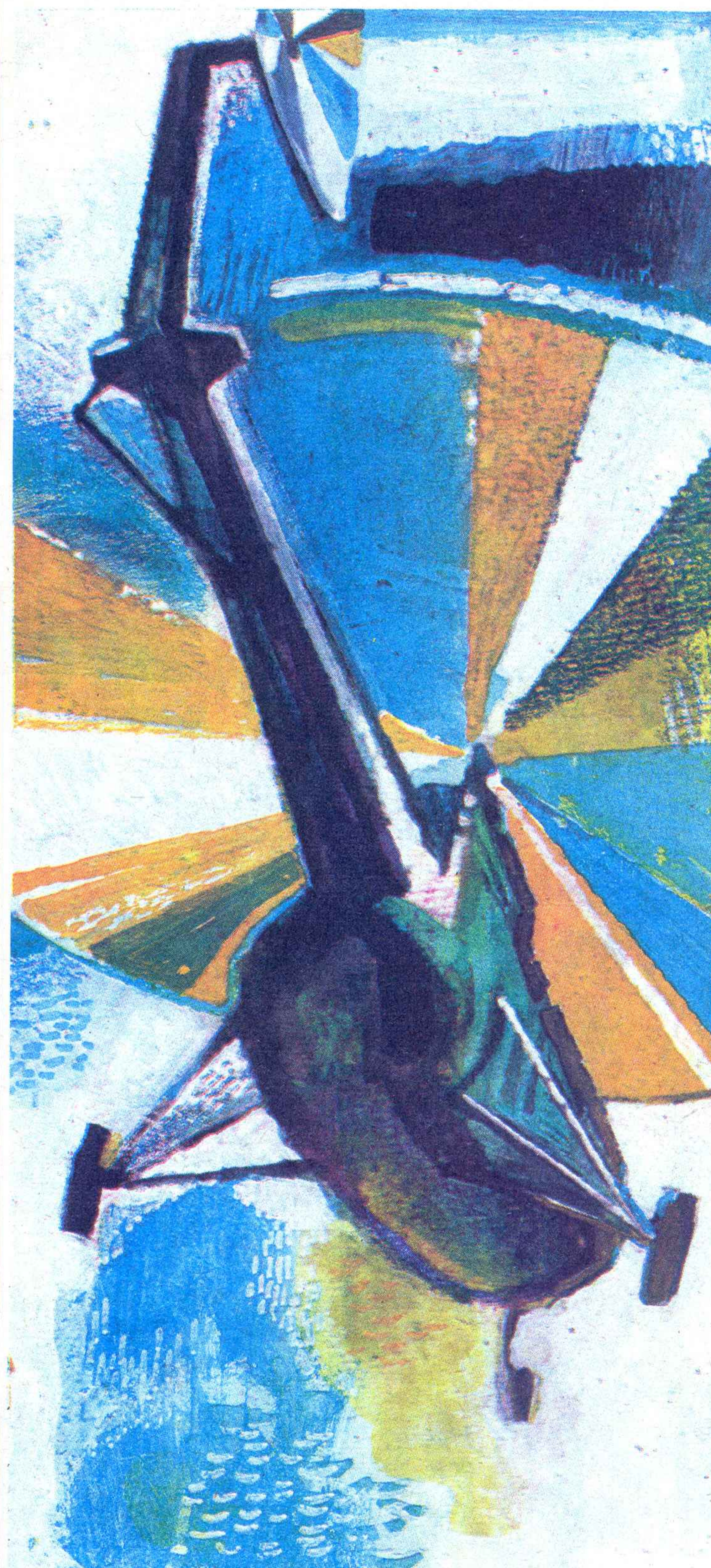
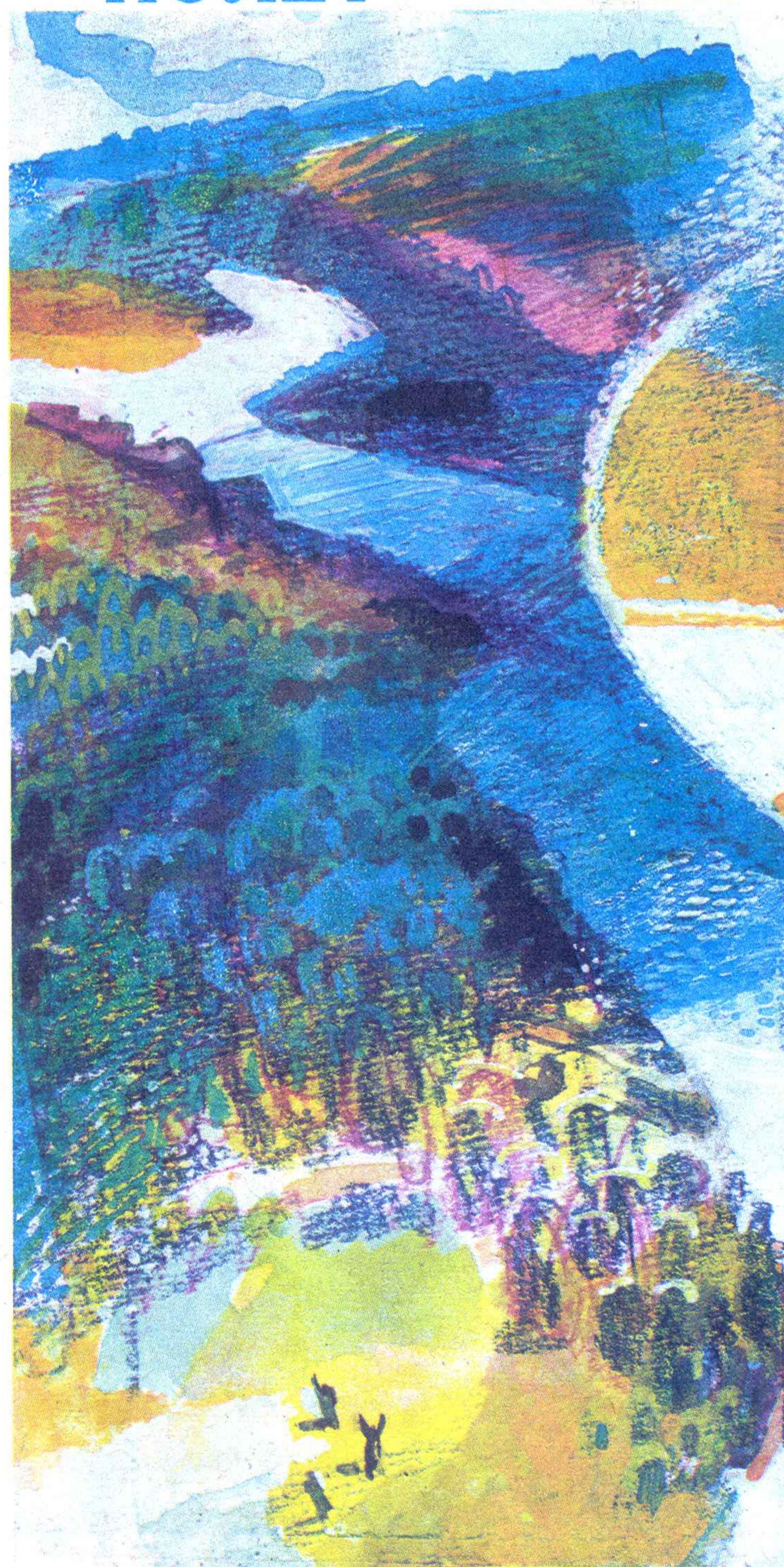
— А ты узнаешь?

У Алёши замерло дыхание.

За свою жизнь, за свои одиннадцать лет, выше Козьей горки он не поднимал-

А Л Ё Ш И Н ПОЛЁТ

С. РОМАНОВСКИЙ
Рис. А. ЛИВАНОВА

ся. Конечно, и с Козьей горки далеко видно: наравне с тобой летают ласточки. А высоко над тобой, синие днища, плывут облака. Вот бы взглянуть на землю оттуда! Нынче весь мир летает на крыльях, и большие и маленькие, а он, Алёша, живёт на кордоне и к облакам не поднимался. Да и придётся ли когда?

— Дяденька, — попросил Алёша, — возьмите меня с собой! Мы там недалеко живём... Подвезите!

— О чём разговор.

Лётчик посадил Алёшу в вертолёт, в тёплое металлическое нутро, где под потолок громоздились ящики, а перед кожаными креслами было много приборов со стрелками и цифрами, плотно, как в избе с морозу, захлопнул дверь, усадил мальчугана в кресло, сам сел рядом, поколдовал над приборами...

Вертолёт задрожал, затрясся, как трактор на пахоте, и столбом поднялся над поляной на высоту Козьей горки.

Лес уходил вниз и раздавался вширь зелёным половодьем. Поляна стала с горошину, и песчаными жилками по лесу бежали просеки.

Вертолёт вошёл в облака. Рядышком они были не белыми, а серыми, как осенний туман, и, казалось, скреблись о стекло, просились погреться. Вертолёт вынырнул на поверхность, и распахнулось просторное, без изъяна синее небо и пылающее солнце на нём.

— Это космос? — прокричал Алёша лётчику.

— Космос выше!.. — ответил лётчик. — В космос мы не попадаем: там воздуха нет. Винтам не за что цепляться.

Внизу снежным полем распласталась облачная равнина.

«Да и не поле это вовсе, — с восторгом думал Алёша, — а Северный Ледовитый океан! Он, наверное, тоже такой. Только по нему ледоколы ходят, а по облакам самолёты и вертолёты».

— На солнышко маленько полети-те — и вниз! — прокричал Алёша лётчику.

Тот кивнул.

Океан полыхнул под солнцем и потемнел — вертолёт опускался, и облака опять цеплялись за него и просились в тепло. Показался лес в песчаных жилках просек и дорог, и в нём заблестел вятский рукав — Паползиха. Замерла, не шелохнётся смиренная вода в зелёном затенении деревьев. Рыжая растрещина вдаётся в толщу леса.

— Вот Лещёв лог! — закричал Алёша.

Вместе с лесами и водами земля накренилась, завалилась набок, и крик застыл у Алёши в горле. Мальчуган впился пальцами в кресло. А земля перевалилась на другой бок, вся как есть, и ни капли не расплескала из Вятки и её рукава Паползихи.

Вертолёт завис над лугом, перебирая быстро-быстро сквозными своими крыльями, колёсами ткнулся в дернину, Алёша чуть не вылетел из кресла.

— Ясное море, — сказал лётчик.

Он первый выбрался наружу, принял Алёшу на руки, поставил на землю.

— Из тебя хороший лётчик выйдет. Вырастешь. Вступишь в комсомол. Выучишься и будешь летать. А вон и мои ребята идут, — оживился лётчик. — Комсомольцы-добровольцы, геологи. Нефть ищут. Я им технику привёз. Пойду встречу ребят.

Сюда с верховьев лога торопились люди в зелёных штормовках. Лётчик попрощался с Алёшей и пошёл.

После полёта Алёшу качало. Мальчуган добежал до леса и лёг ничком на землю, переждал головокружение, перевернулся на спину и засмотрелся на облака в просвете между соснами.

Сосны переговаривались над ним, будто бы дотрагивались до облаков, понимали и принимали их, и угадывалась в этом спокойная радость жизни.

ОТКУДА ХЛЕБ БЕРЁТСЯ

В. ДАНЬКО

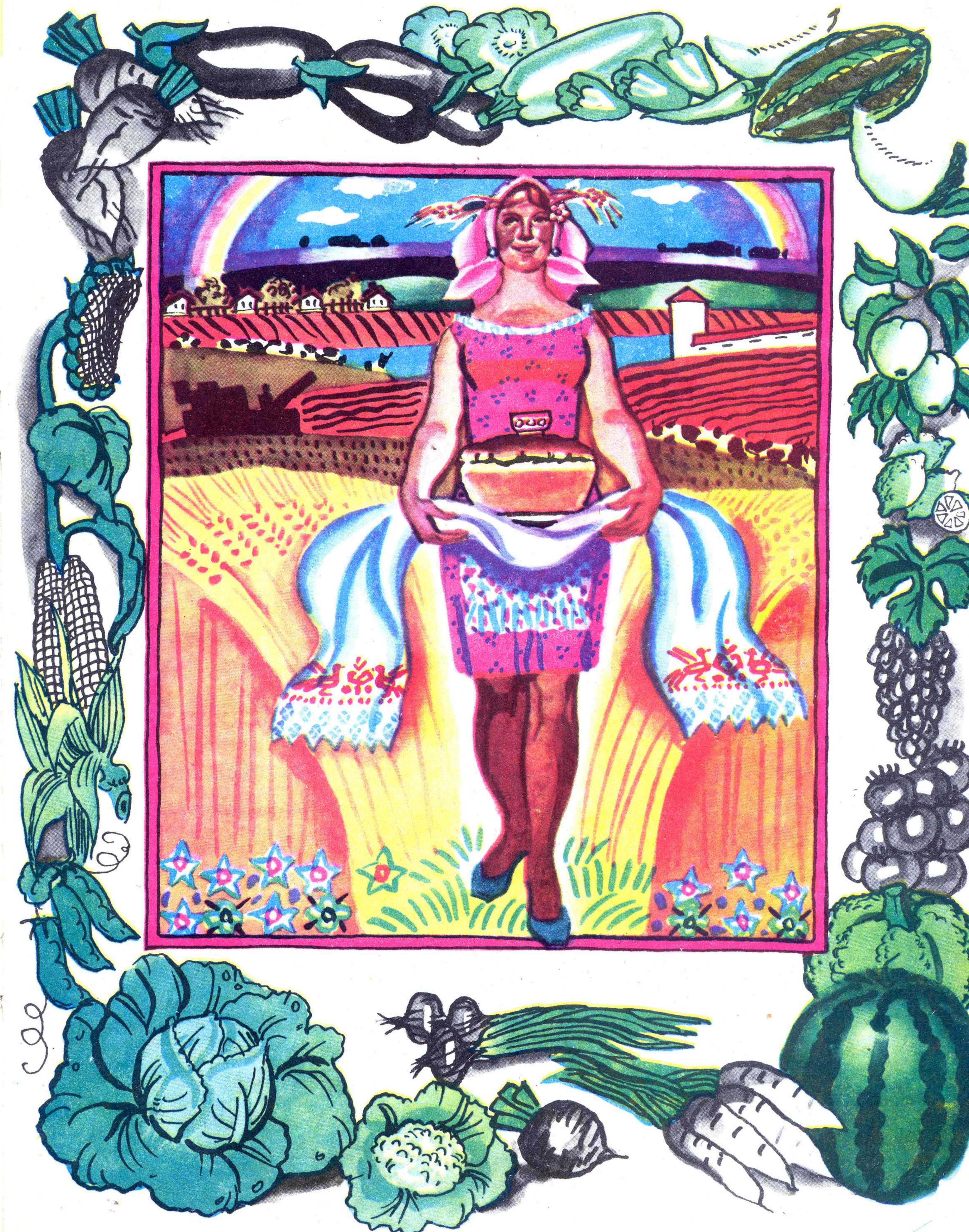
Он не падает к нам с неба,
Появляется не вдруг.

Чтобы вырос колос хлеба,
Нужен труд десятков рук.

День и ночь гудят комбайны,
Хлеб идёт со всей страны —
Хлеб Кубани, хлеб Украины,
Казахстанской целины...

Взором радостным объёмлю
Даль бескрайнюю полей.
Слава тем, кто любит землю,
Тем, кто трудится на ней!

Рис. В. ЛОСИНА

Услышал Гугуцэ, как люди путешествуют по свету, и решил, что это занятие как раз для него.

Он гостил у дяди в Кишинёве. Там был глобус. Гугуцэ принялся его вертеть, чтобы выбрать подходящий маршрут. А потом начал тормозить дядю. Дядино село на краю земли, у самой границы, а дядя там не показывался лет двадцать.

— Сходи туда пешком! — просит его Гугуцэ. — За это люди тебе простят, что так давно не был. У меня есть одно секретное дело на границе.

Как-то утром дядя вскакивает с постели: и правда, почему бы не сходить? Мальчику только ремень подтянуть, и он готов в любую дорогу. А дядя долго пихает в мешок продукты, котелок,

подушку и ещё много чего. Гугуцэ начал уже бояться, что дядя и его самого захихнет в мешок. Теперь вот выйди из дому, если можешь. Хорошо, что Гугуцэ протолкнул дядю в дверь. Сонная тётя помахала им из окон третьего этажа, а кот Тэнасе прижался носом к стеклу и долго смотрел им вслед.

Четыре ноги, две больших и две маленьких, прошли Рышкановский лес и двинулись по долине к селу Грэтиешты.

Вдруг откуда ни возмись над ними появился вертолёт. Пилот, конечно, увидел, как вдоль кукурузного поля вышагивает здоровенный мешок.

«Попался, голубчик!» — пилот, наверное, потирает руки и опускает верёвку с крючком, чтобы подцепить мешок.

«Эге, да под ним кто-то есть. Чего доброго, заставит, чтобы я его до дому довёз». — И вертолёт — тррр! — скрывается за холмом.

Идёт дядя, а сам косится на мальчика, надеясь, что у Гугуцэ вот-вот заболят ноги и можно будет сесть на поезд или на подводу. Но мальчик взбирается в гору, как молодой олень. Отыскал даже палку с рогулькой — поддерживать мешок, чтобы дядя отдыхал стоя.

Входят в село. Что творится с крестьянскими ребятами! Все до одного бегут к воротам поглазеть на путешественников.

Ночевали у одного крестьянина: мягкие диваны, белоснежные простыни. Дядя всю ночь глаз не сомкнул. Наверное, стыдно было, что шёл сюда со своей подушкой.

На другой день он отвязал от мешка примус, размахнулся и запустил его в овраг. Подушку он ещё в селе положил на завалинку, и Гугуцэ стало казаться, что рядом с ним шагает теперь крестьянин из его села Трое Козлят. Правда, заметив у дороги голубенькую шапочку чабреца, дядя почему-то снял перед цветком шляпу, как перед человеком.

— Умел бы я кисть держать в руках, — говорит дядя, — я бы нарисовал, как пахнет трава.

Солнце на закате казалось большей клубничной, которая вот-вот опустится в лес на Онештском холме.

Дядя пел во весь голос:

**Лес зелёный, вырастай.
Только дому место дай!**

Гугуцэ слушал песню, а ноздри ему щекотал очень вкусный ветерок. Вот и нос пригодился в пути: с его помощью нашли бахчу. У шалаша ни души. Оказалось, там дыни: целое стадо, и жёлтые-прежёлтые, так бы вот и сел среди них и остался бы тут на всю жизнь. Если бы, конечно, не секретное дело,

которое ожидало Гугуцэ в дядином селе на границе.

В ту ночь они с дядей сторожили бахчу, а на заре были уже далеко. Брюки у них вымокли от росы.

Навстречу крестьянин:

— Куда, люди добрые?

— В Бельцы.

— А-а, вам нужна машина!

Крестьянин указал, между какими холмами проходит шоссе.

— Нет, нам бы напрямик, на своих на двоих.

Крестьянин пожимает плечами:

— В Бельцы? Своими ногами? Нелыханное дело! Это когда-то туда ходили пешком. — Тут он понимающе улыбается и начинает шарить по карманам: — Небось мыши карман прогрызли? Так бы прямо и сказали!

Дядя достаёт деньги, показывает их. Крестьянин мерит взглядом путешественников, а они уже вошли в чашу подсолнухов, шли, шли по ней, пока к вечеру не добрались до Цибрики.

Заночевали у фермы на возу с сеном. Увидел их спящих один мальчишка, запряг двух волов и — цоб-цобе! — погнал воз по дороге. Гугуцэ снилось, что он на качелях, а дядя от усталости храпел, положив под голову кулак и нагнув шляпу на глаза.

Когда запели вторые петухи, воз был уже на холме в Кышле. Озорник распрягает волов, оставляет воз со спящими путешественниками на самой вершине, берёт на ферме такую же телегу, впрягает в неё волов и — цоб-цобе! — назад в Цибрику.

Утром люди из Кышли собрались, как на медвежий цирк, и ломают головы: как же эти двое ухитрились втащить воз на такую высоту?

И вот Гугуцэ с дядей просыпаются, смотрят с воза на людей:

— Что случилось, люди добрые?

— Это и мы бы хотели знать, — отвечают снизу.

— Объяснение, Гугуцэ, может быть только одно. Мы с тобой, не просыпаясь, впряглись в этот воз и приволокли его сюда. Вот, оказывается, что может натворить человек во сне!

Прошли Згрэдешты, добрались до Козешт. Дядя заходит в один двор купить простокваши.

— Ай-яй-яй! Неужели вы так быстро шли, что ни одна машина вас не догнала? — удивляется хозяйка, узнав, что они идут пешком от самого Кишинёва. — А у нас, чтобы корову отвести на луг, и то на велосипед садятся!

Вечер застал их на пути к Новой Сынжерее. Дядя несёт Гугуцэ на руках, а у самого веки налились и ноги не слу-

шаются. Качались холмы, наполовину вошедшие в ночь, качалось небо, вот-вот из его подола посыплются звёзды, так и лилась вокруг песня сверчков. Дядя увидел огонёк и повернул туда.

Утром Гугуцэ проснулся на крыше овчарни. Девочка чуть больше овечьего хвостика загоняла кнутом овец, а дядя помогал чабану их доить. «Кыш, негодник! — бросила девочка овечий шарик в петуха. — Посмей только разбудить Гугуцэ, мы с тобой поговорим!» Но петух как будто знал, что путешественникам пора в Бельцы.

К обеду вышли из Бельц — шагом-арш! ать-два! — уже и Глодяны близко. Гугуцэ казалось, что он за эти дни

трижды обошёл земной шар и повидал больше стран, чем их есть на глобусе, правда, во всех этих странах все говорили по-молдавски...

И вот ещё одна заря, и перед ними граница. Дядя снял шляпу. Ему казалось, что с самого детства он так и стоит на этом месте. «Один, другой, третий...» — как тогда, считает он голубей, летящих с реки. Можно представить, как заплачет мать, когда он войдёт во двор.

Тут он видит, что Гугуцэ пропал.

— Пойду взгляну на пограничников, — слышится из глубины долины.

Никто не знает, о чём говорил маленький путешественник с капитаном, но после этого капитан — хотите верьте, хотите нет — выпросил для мальчика местечко на границе, и даже винтовка для Гугуцэ нашлась.

Гугуцэ глядит себе на руки, на ноги, ему бы осколочек зеркала хоть с воробьиный язычок, чтобы лицо увидеть — он ли это стоит с винтовкой на границе? Вот оно, то секретное дело, ради которого он столько дней шёл пешком. «Ишь ты! Хозяин-то меньше винтовки!» — наверное, думает вон тот ворон. Мальчик выпячивает грудь: «Кто же это, если не я?» Теперь мама доит корову. Узнай она, кто охраняет границу, бросила бы подойник и на радостях дала бы телёнку высосать всё молоко у коровы. А дедушка сказал бы бабушке: «Не ты ли, старая, нашла как-то на лице у Гугуцэ мой нос, мои уши и мой лоб?» И шагал бы дедушка по двору без шапки, чтобы все видели эти уши и лоб, и задира бы нос как можно выше, и вытирал бы его только платочком с цветочками...

Но вот мальчик видит: трое крестьян ведут его дядю.

— Ну-ка позови капитана! — просит Гугуцэ один из них.

— А я для чего тут поставлен? — строго спрашивает Гугуцэ и поворачи-

чивается к собственному дяде. — Ваши документы?

Гугуцэ изучает дядин паспорт от корки до корки, смотрит одним глазом на фотокарточку, другим на дядю.

— Говорит, что из наших мест, — не унимается крестьянин. — Что-то непохоже! Своих-то мы и без печати узнаём!

Тут как раз по дороге шёл человек с косой. Дядя попросил у него косу и с горя так начал косить, что двое крестьян крикнули в один голос: «Наш!»

— Эге! — мнёт в руке шляпу третий крестьянин. — Это же сын Иона, внук Георгия, правнук Василия. Так косил и его отец, пусть земля ему будет пухом! Где же ты пропадал столько времени?

Крестьяне один за другим до хруста в костях обнимают дядю и ведут его к себе в гости.

А Гугуцэ так и остался на посту у границы.

С ДОБРЫМ УТРОМ!

А. ПРОКОФЬЕВ

На широком просторе
Вешней, милой порой
Встали алые зори
Над родимой страной.
С каждым годом всё краше
Молодые края...
Лучше Родины нашей
Нет на свете, друзья!
С добрым утром, родные
Реки, рощи, поля,
Города боевые,
Боевая земля!
За неё мы в ответе,
Нам иначе нельзя!
Нашей правды на свете
Нет сильнее, друзья!
Наша воля и доля
В нашем отчем дому,
Их сломать не позволим
Никогда, никому!
С добрым утром прекрасным,
Трудовая семья!
Крепче нашего братства
Нет на свете, друзья!

Рис. Л. НИЖНЕГО

Строение пера

Учитель показал ребятам птичье перо и спросил:

— Узнаёте ли? Какая птица носит такие перья?

Мальчишки маленько нахмурились, и каждый рукой махнул, девочки захихикали: уж чего это Виктор Степанович взялся пытаться, как маленьких?

— Вижу, что узнали, — сказал Виктор Степанович. — Верно, перо гусиное. Сегодня мы будем изучать строение пера. Вот, смотрите, это опахало.

Виктор Степанович резко взмахнул пером, и воздух присвистнул.

— Для чего служит опахало?

— Чтоб на воздух можно было опереться, — сказал догадливый ученик Тюлихов.

— Молодец, — похвалил Виктор Степанович. — Опахало, как видите, на стержне или стволе. А толстая, гладкая, пустотелая часть пера называется очин.

Учитель глядел на класс и ждал. Ребята знали: им нужно догадаться, что это значит — очин.

— О и чин! — глядя Виктору Степановичу в глаза, принялся за свои догадки Тюлихов. — Очи и ны... Овчи-ны...

— Чины, очи и овчины тут ни при чём, — улыбнулся Виктор Степанович. — Вот представьте себе...

Он начал говорить, а перед глазами ребят пошло как бы кино.

Врезана в бугре полукругом скамья, скорее даже диван, выложена зелёным дёрном. Сидит на дерновой скамье человек в ненынешней крылатой одежде. Смотрит в проём между деревьями, смотрит в дали. Степь по-осеннему холодная, тёмная от дождей. И сумерки темны, небо забито облаками. Человек поёживается — засиделся. Идёт песчаной дорожкой вдоль пруда, полного чёрной осенней воды. Идёт, трогая рукой шершавые стволы дубов, словно желая им покойной ночи. Перебегает по лёгкому мосту, выгнувшему спину. И вот он — дом. Сбрасывает в передней крылатый плащ, просторными пустующими комнатами проходит в угловую. Свечи зажжены, комната ожи-

дает хозяина. Язычки огня вытягиваются, приветствуя — хозяин привёл с собою ветер.

На столе свежие гусиные перья. Острым ножом хозяин дома очиняет перо. Опускает в чернила, и на пустом листе бумаги ложится за строкой строка:

Над лесистыми берегами
В час вечерней тишины...

Виктор Степанович читает стихи, писанные гусиным пером, рождённые на кончике очина. Ребята знают — это Пушкин. Эти стихи пришли к Пушкину в Болдине. В Болдине они были с Виктором Степановичем в прошлом году, весной, когда изучали цветы и травы родного края.

— А помните, Виктор Степанович, — говорит за всех девочка Вера, — помните, как в пойме, возле Большого Болдина, чибисы на нас кричали?

И весь класс на минуту замирает, уходит в ту весну.

Большие птицы, сонно размахивая крыльями, кружили над лугом. Кричали, как спросонья, пронзительно, сердито: «Сей-час-мы-вас! Сей-час-мы-вас!»

— А вот это и есть дафна — волчье лыко, — показал им тогда Виктор Степанович травяной кустик.

— С этого Путрухин-то наш ягоды ел? — спросил Тюлихов.

— Ох, с этого!

Ребята испуганно смотрели на ядовитое растение.

— Затоптать его! Да растереть его! — закричал на волчье лыко Тюлихов.

— Убить растение — дело нехитрое, — сказал Виктор Степанович. — Ну а вдруг завтра учёные найдут в нем нужное, вредное вещество, которые излечат человечество от каких-то страшных болезней! Не проще ли быть уважительным к миру растений?

Не трогать, не пробовать на вкус, чего не знаешь.

Разрешил Виктор Степанович ребятам собрать букет из трав и растений, какие известны им. Невелик вышел букет. Попали в него трава-мурава, ромашки, вечнозелёный наш северный копытень. Тысячелистник, подорожник, пижма — дикая рябинка, луговая гвоздика, которую все зовут «часики», манжетка, съедобный борщовник, одуванчик, тимopheевка да молочай — он же бесогон-трава.

— Видите, сколько ещё предстоит нам узнать? — повёл Виктор Степанович руками вокруг.

Однако всем было пора вернуться в класс на урок «Строение пера». И все вернулись. Только Вера подзадержалась.

— Виктор Степанович, а может, человек всё-таки от птицы произошёл? — спросила она с надеждой. — Уж больно сладко во сне летать.

— А человек никогда с полётом и не расставался, — ответил учитель. — В сказках летал, в мечтах. А теперь наяву летает, налетаться не может. Итак, каково же строение пера?

— Опахало, ствол, очин! — хором сказал класс. А Вера всё ещё была далеко.

— Всё-таки самые хорошие стихи гусиными перьями написаны! — сказала она, сдвигая упрямо брови, чтоб кто-нибудь не возразил. — «У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том...» Такие слова подобраны! Скажешь — и как будто и впрямь летишь.

• • •

Этот рассказ посвящается учителю Виктору Степановичу Кельдюшкину

ДОБРЫЙ ВРАЧ

В. ТИТОВ

Добрый врач, бывалый врач,
Чуть услышит детский плач,
В ранний час и в полночь
Поспешит на помощь.

По дороге, по реке,
По таёжным тропам
С чемоданчиком в руке
И с фонендоскопом.

И его не утешит
Ни мороз, ни тряска —
Он и в космос полетит
Делать перевязку.

Потому что он готов
Биться за здоровье!
Если надо, он готов
Поделиться кровью.

И повсюду повторять
Будет для порядка:
«Вы хотите крепким стать?
Делайте зарядку!»

Рис. В. ЧАПЛИ

Шанежка

Нескладёнушка
Наша Манюшка,
Пирожок пекла,
Вышла шанежка.

Положила студить
На сквозняк,
На порог,
Поднял шанежку
И унёс ветерок.

Зайчик в кустах
Скушал шанежку.
— Мастерца! —

сказал
Всем про Манюшку.

Удмуртские народные песенки

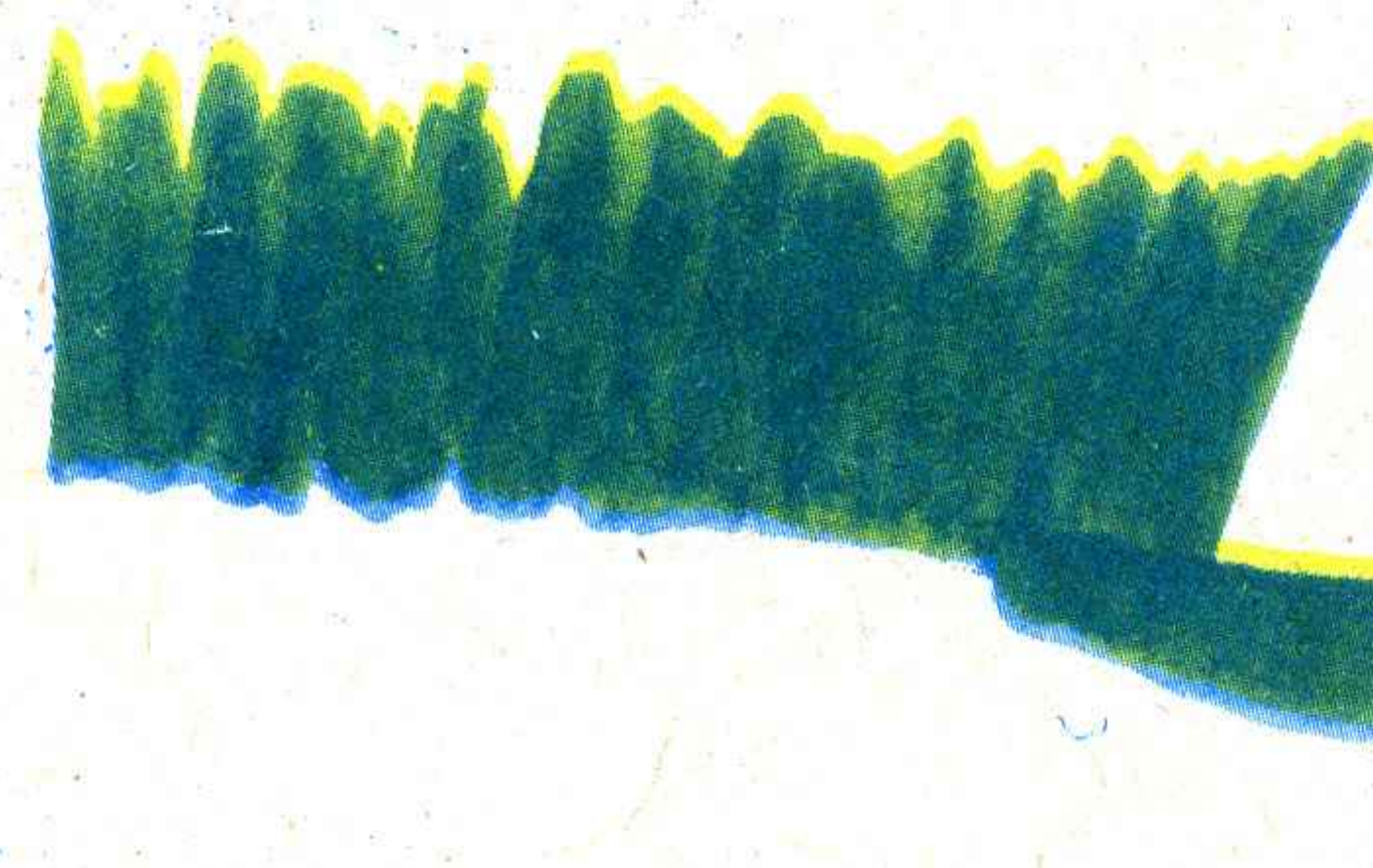

Рис. Е. МОНИНА

Считалочка

Над горою солнце встало,
С неба яблоко упало,
По лазоревым лугам
Покатилось прямо к нам!
Покатилось,
Покатилось,
В речку с мостика свалилось.
Кто увидел — не дремли,
Поскорей его лови!
Кто поймал, тот молодец, —
Ведь считалочке конец!

Дождик

Дождик, чаще! Дождик, пуще!
Чтобы рос овёс погуще!
Чтобы в ковшике у нас
Был всегда овсяный квас;
Чтобы в каждой чашке, плошке
Были вкусные лепёшки,
А по праздникам блины
ВО-О-ОТ ТАКОЙ ВЕЛИЧИНЫ!

Жур-журавель

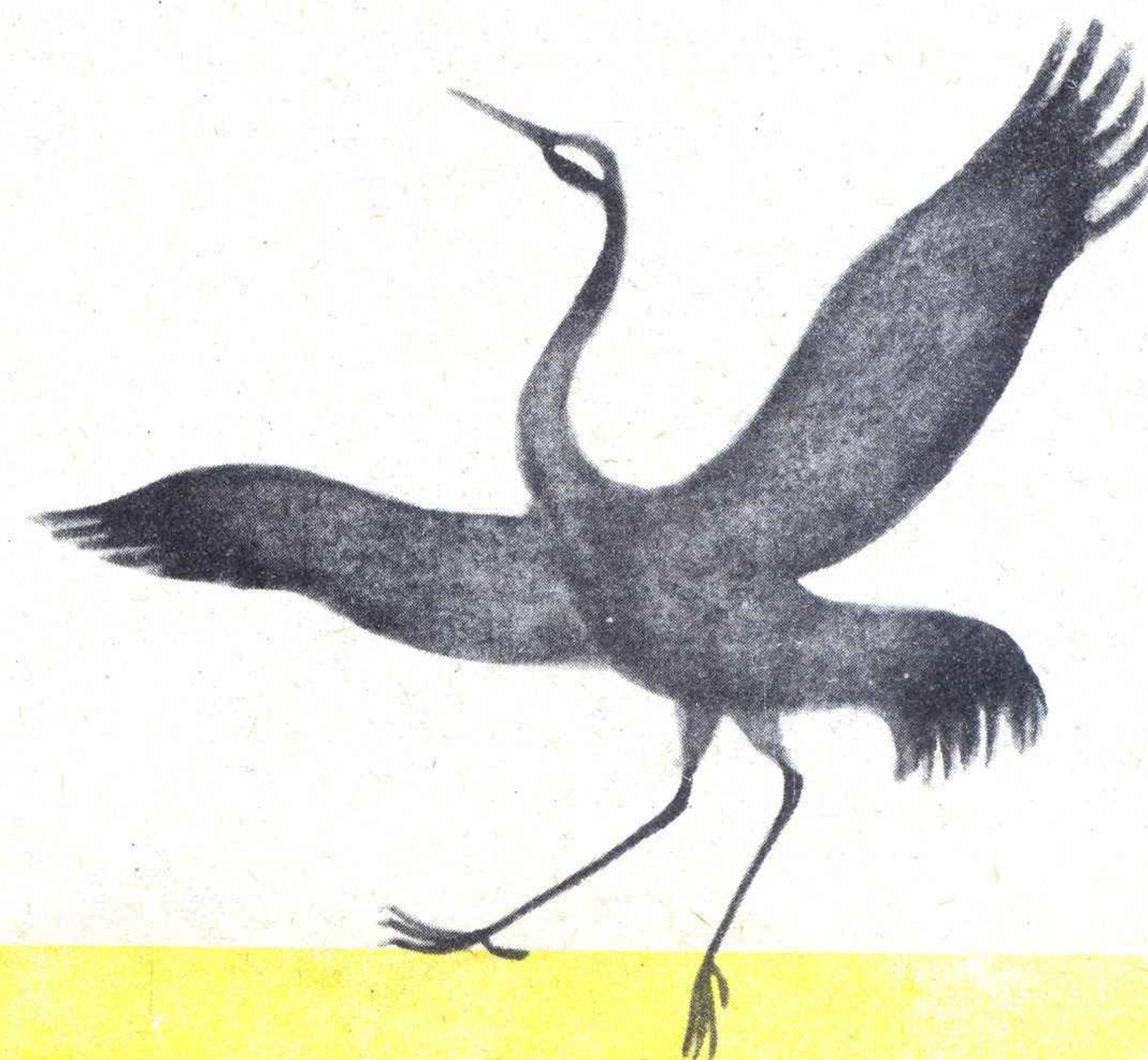
Жур-жур-журавель,
Ты не прячься под ель,
Там ночь давно,
Растемным-темно!

Не курлычь в логах —
Одинёшенек,
А беги на луга
Со всех ноженек.

Там звёзды горят,
Разгораются,
Там детишки тебя
Дожидаются!

Дожидаются,
Чтобы всей гурьбой
На траве-мураве
Поплясать с тобой!

Пересказал Л. КУЗЬМИН
Собрал П. ПОЗДЕЕВ

Маленький
водяной

в пересказе
Юрия КОРИНЦА

Грисован Сергей Денисов

ЗЕЛЁНЫЕ ДОМИКИ

Когда он так сидел на плакучей иве и наблюдал окрестности, ему никогда не казалось, что время идёт слишком медленно. Он видел мельника и его подручных, как они втаскивали на мельницу тяжёлые мешки с зерном; видел, как мельничиха кормила во

Маленький водяной очень удивился тому, что бывают домики на колёсиках. Он с удовольствием разглядел бы их поближе. Но пока он размышлял, стоит ли ему слезать с дерева, зелёные домики свернули с дороги в сторону пруда. Они остановились возле самой плакучей ивы.

Солнце уже низко стояло над горизонтом, когда мужчины опять запрягли лошадей. Женщины и дети расселись по местам, медведя посадили на цепь, и зелёные домики, свернув на дорогу, покатали по ней дальше.

Маленький водяной провожал их глазами, пока они не скрылись за холмом. Он внезапно почувствовал себя каким-то вялым.

Когда он вернулся домой, мать в ужасе всплеснула руками:

— Как ты выглядишь! У тебя же совершенно сухие ноги!

Маленький водяной взглянул на свои ноги. Действительно ли они так высохли, пока он сидел на этом дереве, в солнце и в ветре? Но у него вдруг поплыли перед глазами круги...

— Сейчас же снимай сапоги! — крикнула мать. — Разве ты не знаешь, что от сухих ног

можно заболеть? Почему ты вовремя не вернулся в пруд? Марш в кровать!

Она уложила малыша в постель, закутав ему ноги мокрыми полотенцами. Глаза Маленького водяного сразу закрылись, и он уснул.

Когда отец-водяной вернулся домой, мать сказала:

— Ты должен был ему объяснить, что водяному нельзя целый день быть на воздухе! Откуда ему это знать? Если он теперь заболит, то это твоя вина!

Водяной-отец смущённо потёр свой подбородок.

— Да-да, — сказал он. — Но подождём-ка немного и увидим, действительно ли он так болен, как ты опасешься. Если Маленький водяной никогда не придёт домой с сухими ногами, то какой же он мальчишка?

ЭЙ, ДОЖДИК, ГДЕ ТЫ?

В наказание за сухие ноги Маленького водяного заперли на несколько дней дома — тут не помогли никакие просьбы и слёзы.

Наконец спустя почти неделю отец-водяной сказал:

— Я замолвил за тебя матери пару слов, сынок. Сегодня наверху дождь, и ты можешь прогуляться. Но обещаешь ли ты мне вернуться вовремя?

— О да, это я обещаю! — быстро крикнул Маленький водяной и сейчас же влез в свои сапоги. — Обещаю вернуться с мокрыми ногами.

— К тому же дождик, — сказал отец, — он тебе не даст высохнуть.

— Дождик? А кто это? — хотел знать Маленький водяной.

— Видишь ли, — ответил отец, — дождик — это наш большой друг. Если бы не дождь, то вскоре на свете не осталось бы ни одного водяного.

— Почему? — Маленький водяной хотел узнать об этом поподробнее. Но тут он услышал шаги матери и сказал себе: «Скорее в пруд. Лучше всего вовремя испариться!»

Эх и хорошо же было весело мчаться в воде! Ему казалось, будто он провёл дома целую вечность. От радости он проплыл через весь пруд — туда и обратно. Рыбы испуганно шарахались от него в разные стороны, со дна поднимались фонтанчики ила, водоросли колыхались ему вслед, а ракушки в ужасе захлопывали свои створки.

— Вот так! — крикнул Маленький водяной, когда он вдоволь нарезвился. — А теперь наверх!

Не спеша, потому что он уже устал, поплыл Маленький водяной кверху. Вода вокруг него становилась всё теплее и светлее. «Закрывать глаза, — подумал он, — чтобы меня опять не ослепило солнце!» Но когда он вынырнул и осторожно открыл глаза, он не увидел ослепительного света, как в иные дни.

Солнца нигде не было видно. Небо словно занавешено было серыми одеялами, и повсюду вокруг Маленького водяного падали в пруд откуда-то с вышины малюсенькие камешки. Казалось, кто-то швыряет в пруд целые пригоршни таких камешков.

Маленький водяной протянул кверху ладони, пытаясь их поймать, но тут он заметил, что это вовсе не камешки, а капли!

Они понравились ему, потому что приятно щекотали кожу. Некоторые из капелек даже попали ему в нос, что его особенно развеселило.

И тут он вспомнил про дождь, о котором рассказывал отец. Правильно, дождь! Это дождь! Надо скорее пойти и сказать ему «Добрый день!». Ведь это их лучший друг, как говорил отец. Малыш подумал, что дождь — это что-то похожее на водяного или ещё что-нибудь в этом роде, и он решил его разыскать. Наверное, дождь сидит где-нибудь на берегу.

Но как удивился Маленький водяной, когда вышел на берег! Сегодня всё вокруг было замечательно мокрым — всё, что раньше всегда было сухим!

И ещё он подумал: «Сегодня здесь не опасно, сегодня мои ноги уж никак не высохнут... Но где же он прячется, этот дождик?»

— Э! — крикнул он громко, сложив рупором ладошки. — Эй, дождик, где ты?

Он долго ждал ответа, наострив уши. Но вокруг раздавалось всё то же бесконечное шуршание.

Вдруг в пруду позади него плеснуло, будто кто-то из воды вылезает. «Это он!» — подумал Маленький водяной и обернулся.

Но как он был разочарован, увидев собственного отца, выходившего на берег.

— Что ты тут делаешь, сынок? — спросил отец.

— Я искал дождик. А теперь я зову его. Но он не отвечает.

Отец-водяной рассмеялся.

— Кого ты ищешь? Дождик? Ах, малыш, ты же всё время стоишь в самой середине дождя! А всё это оттого, что никогда ты не дослушаешь меня до конца!

ПЛАВУЧИЙ ЯЩИК

Летом к мельничному пруду почти каждый день приходили люди — взрослые и дети, чтобы в нём искупаться. Карпа Купринуса это совсем не радовало: он считал, что лучше бы они оставались дома. Но Маленькому водяному нравилось наблюдать за купающимися, спрятавшись где-нибудь в прибрежных кустиках.

Плавали они, конечно, так себе, эти люди. Одни по-лягушачьи, другие по-собачьи. И все

держали голову над водой. Весёлая это была картина.

Один раз, когда он так лежал в иле на спине и смотрел вверх на людей, там появилась вдруг какая-то неуклюжая чёрная штука, никогда им дотоле не виденная. Она медленно проплыла над ним, как огромная рыба, но у неё не было ни плавников, ни хвоста.

Маленький водяной поплыл к берегу и нырнул из воды. Он увидел, что редкостная штука — это деревянный ящик, в котором сидел мельник. В каждой руке он держал длинную палку и ловко управлял ею двигавшимся по воде ящиком.

На следующий день, когда все люди разошлись по домам, Маленький водяной решил покататься в ящике. Ящик стоял на старом месте, в камышах у берега. Он был привязан верёвкой к деревянному колу. И хотя Маленький водяной не смог развязать верёвочного узла, он вытащил из мягкой земли деревянный кол, взял его вместе с верёвкой под мышку и влез в ящик.

Но где деревянные палки с плоскими концами, которыми грёб мельник? Очевидно, тот унёс их с собой.

Маленький водяной взял деревянный кол и попробовал грести им. Но из этого ничего не вышло. Тогда он устроился на корме ящика и оттолкнулся пару раз от берега. С трудом продвигался ящик в камыше, раздвигая бортами шуршащие и потрескивающие стебли. Наконец Маленький водяной достиг открытой воды. Но тут он уже не мог достать колом до дна — пруд стал глубже, а кол был слишком короток. «Вот так история! — сердито подумал Маленький водяной. — Что мне толку в этом ящике, если я не смогу на нём плыть? Пойду-ка я достану на берегу палку подлиннее!»

Он уже хотел было прыгнуть в воду и плыть к берегу, как вдруг заметил, что ящик вовсе не стоит на месте. Лёгкий ветерок, тянувший с берега через пруд, не спеша подгонял его вперёд. Это, конечно, очень обрадовало Маленького водяного. Он побежал на нос ящика и перегнулся через край. «Надо посмотреть, как выглядит мой пруд сверху, — подумал Маленький водяной. — Увижу ли я внизу Карпа Купринуса? Или мой собственный дом на дне?»

Но, как он ни приглядывался, всё время видел внизу только голубое небо, отражавшееся в воде, край деревянного ящика и над ним голову какого-то маленького водяного.

— Бэээ! — сказал Маленький водяной и показал язык маленькому водяному в пруду.

И тот ответил ему тем же. Маленький водяной представил себе, будто это его братишка. Вот он и показывает ему язык. Весёлая это была игра! Ради одной такой игры стоило прокатиться в чудесном ящике...

— Эй ты, озорник! — послышалось вдруг с берега. — Немедленно возвращайся назад! Кто разрешил тебе кататься на лодке?

«Мельник! — стрелой пронеслось в мозгу Маленького водяного. — Скорее в воду!» — И он плюхнулся через край лодки в пруд. От прыжка лодка хлебнула воды. А Маленький водяной опустился на самое дно пруда и лёг там плашмя на живот, дрожа от страха.

Но тут ему стало совестно. Он подумал: «Как мельник достанет теперь свой ящик? Не взглянуть ли на это дело? Я только на минуточку высуну свой нос, но так, чтобы мельник меня не заметил...»

Маленький водяной поплыл к прибрежным кустикам и, спрятавшись под их ветками, высунул из воды голову. Он увидел, что мельник стоит на берегу, размахивает руками и кричит во всё горло:

— На помощь! На помощь! В воду упал маленький мальчик! На помощь!

На его крик прибежали с мельницы работники.

— Принесите шесты! — тяжело переводя дух, сказал мельник. — В воду упал ребёнок! Он выпал из лодки! Скорее пошевеливайтесь, а то бедняга захлебнётся!

Один из работников побежал к мельнице, другие залезли в воду и пригнали к берегу плавучий ящик. Потом они взяли принесённые шесты, залезли в ящик и вырулили на середину пруда.

Работники шарили шестами по мельничному дну. Мельник бледный сидел в лодке, вытирая со лба холодный пот.

— Обожемойобоже! — стонал он. — Он упал на моих глазах, бедняга! Несчастье, несчастье!

— Кто это был-то? — спросили работники.

— Не знаю! — сказал мельник. — Это случилось так быстро. Он был в красной шапочке и жёлтых сапожках... если мне не изменяет память. Но что мы тут говорим? Ищите! Ищите!

«Да, ищите меня! — злорадно думал Маленький водяной. — Ищите себе! Это вам за то, что жадный мельник не разрешает другим кататься в своём ящике».

Продолжение в двенадцатом номере

Музафар АЛИМБАЕВ

КТО ТАКОЙ?

Вокруг кувшина
с молоком
Он кружится,
он кружится..
Толкнул кувшин —
и языком
Из лужицы,
из лужицы..
Наелся досыта один
И сел, похожий
на кувшин.

Перевёл с казахского
А. КРЕСТИНСКИЙ

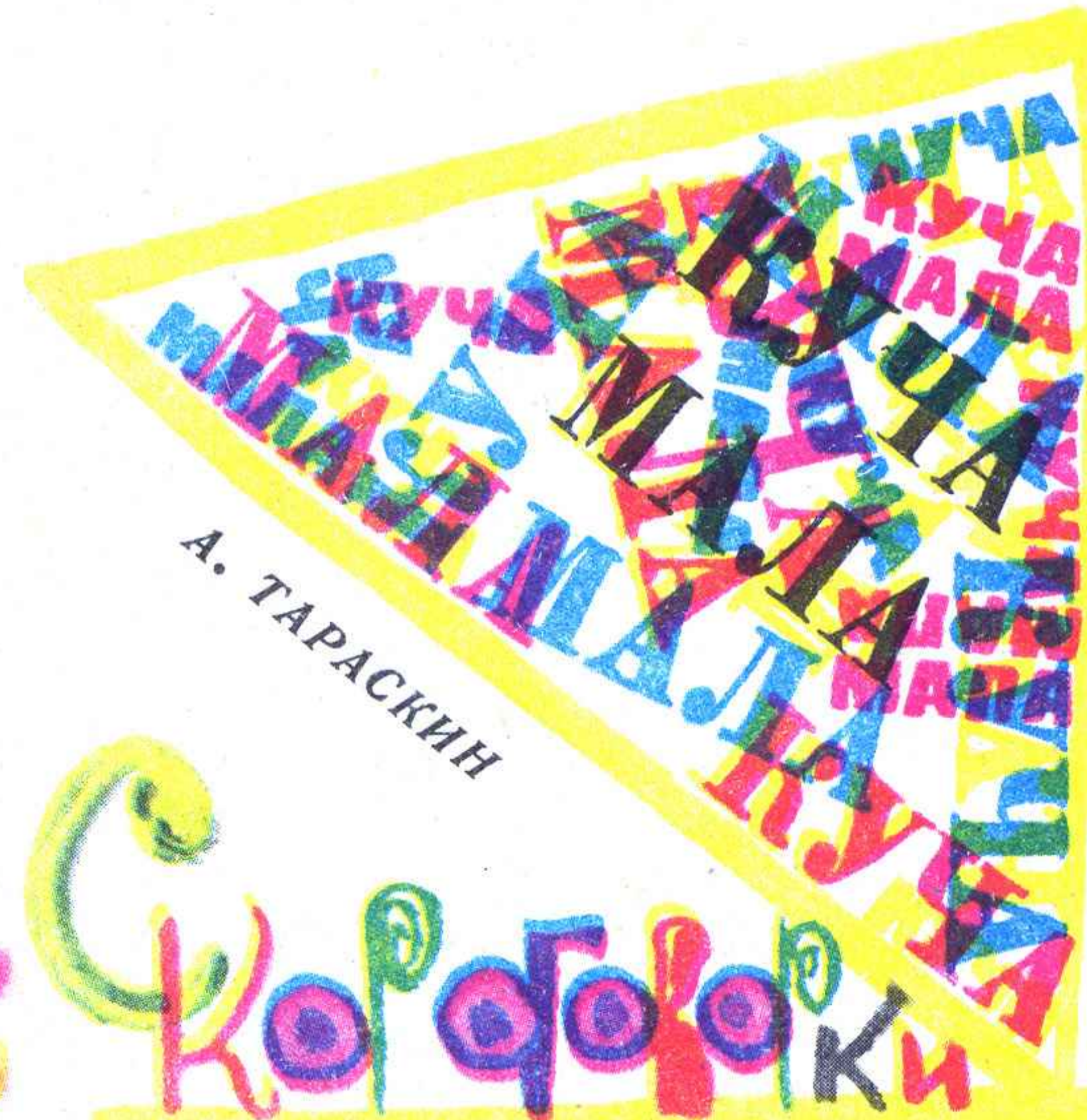
За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Этот охотник погнался, и зайцы разбежались. Найди их.

НА РЫБАЛКЕ

М. МИРКИНА

Сидел на берегу реки Серёжа и рассуждал: «Наловлю рыбы на уху, коту дам немного, бабушке отложу, чтоб нажарила, да занесу дедушке Даниле. Поймаю леща, краснопёрку, окуня и плотвичку, а может, ерша. Я бы поймал ещё и щуку, да ведёрко руку оттянет». А ушёл Серёжа с одной плотвичкой в ведёрке.

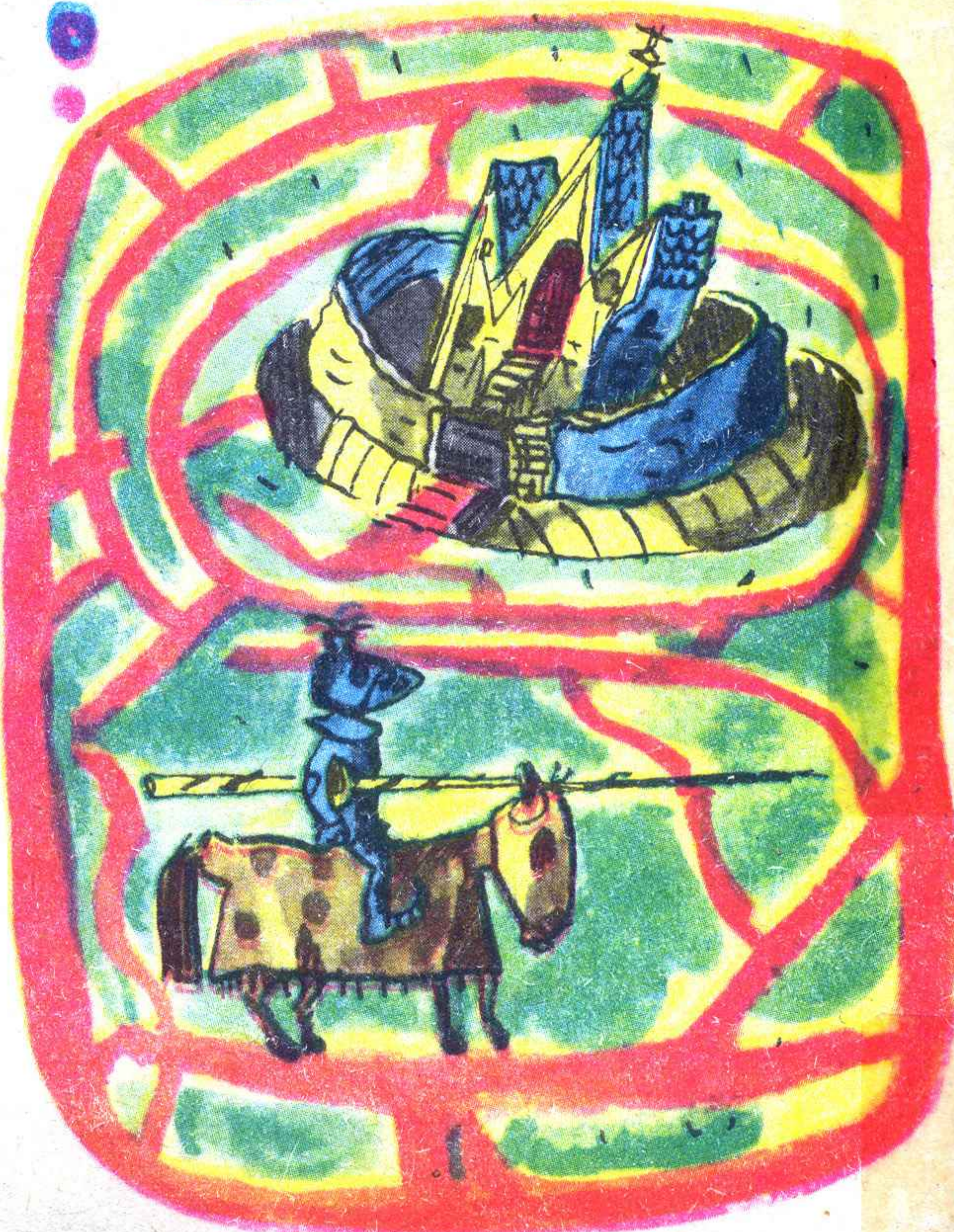
Помоги всаднику проехать в замок.

Три сороки-тараторки
тараторили на горке.

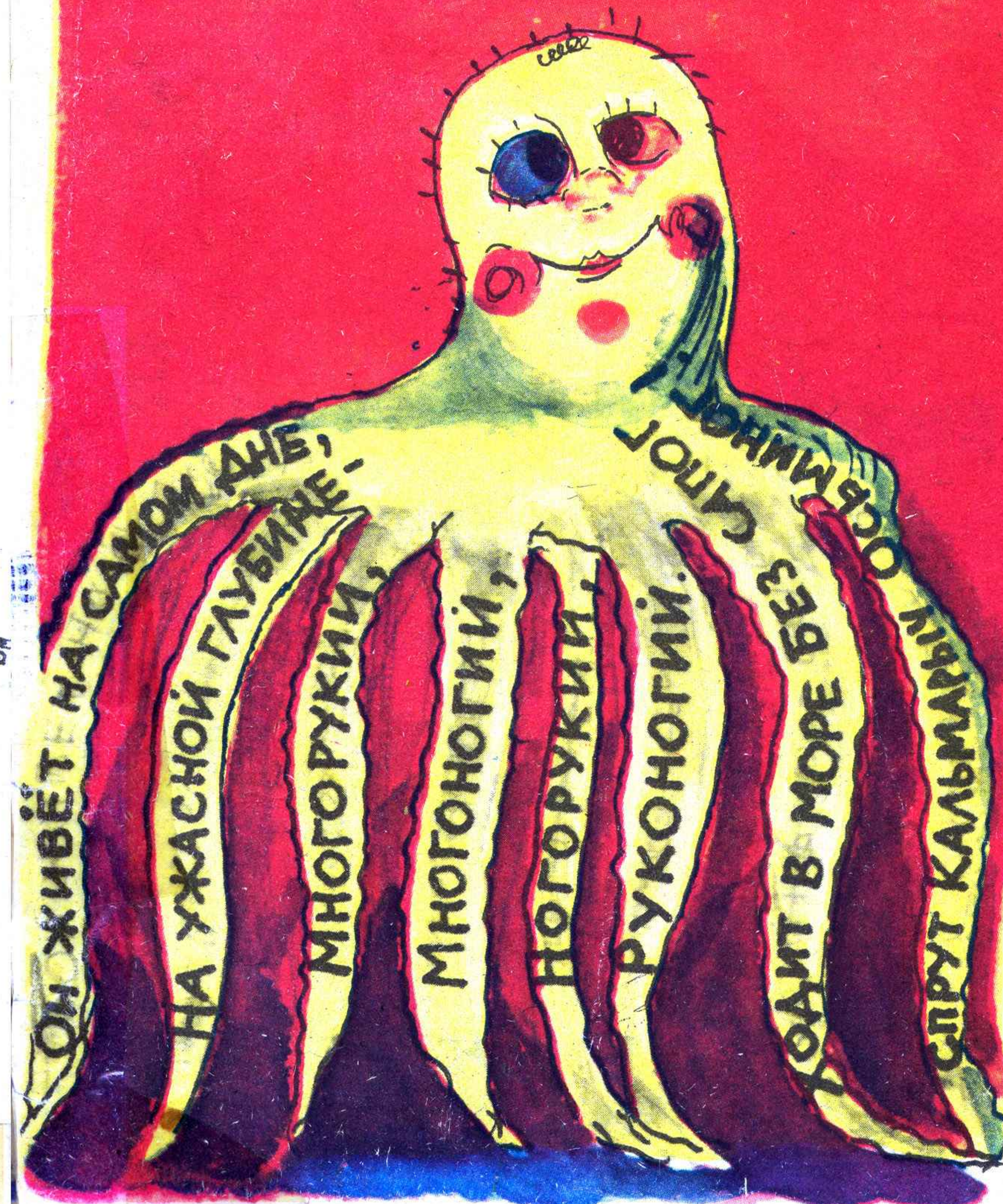

Увидел Валера верблюда
в вольере.

Г. КРУЖКОВ

Рис. В. КАНЕВСКОГО

КАКИЕ САПОГИ ПАРНЫЕ?

Кто стрел лучше всех?

Посчитай, сколько очков
набрал победитель.

В. ЛЕВАНОВСКИЙ

ОСЕННИЙ ЛЕС

Отошли
Дожди и грозы,
И кончаются
Грибы,
Сыплют золотом
Берёзы,
Серебром звенят
Дубы,
Рдеет
Стройная рябинка,
Ясень
Солнышком горит,
Даже
Скромница осинка
Быть нарядной
Норовит,
На густых
Красавцах клёнах
Листья светятся,
Как медь...
Сосенке
Вечнозелёной
Захотелось
Пожелтеть!

За пнём — А в нём —
Бугорок, Городок.

На ручеёк похожая,
Ведёт к реке
прохожего.

ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ
С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
В. МАТВЕЕВ

Редколлегия:
З. Александрова,
С. Алексеев,
А. Барто,
А. Ермолаев,
Н. Емельянова,
Е. Ершова
(зам. главного
редактора),
Ю. Казаков,
М. Коршунов,
А. Митяев,
Ю. Молоканов,
К. Орлова
(ответственный
секретарь),
Е. Рачёв,
Н. Чеснокова,
В. Чижиков

Редактор отдела
художественного
оформления
Г. Манавеева

Технический
редактор
Л. Петрова

Сдано в набор
10/VIII 1977 г.
Подписано к печати
5/IX 1977 г.
Формат 84×108¹/₁₆.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 800 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 1394.

Адрес редакции
журнала
«Мурзилка»,
ордена Трудового
Красного Знамени
издательства
и типографии
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»:
103030, Москва,
К-30, ГСП-4,
Сушёвская, 21.
Телефон 250-45-08.

Рисунок
на обложке
Ю. КОПЕЙКО

Напиши по овалу
названия картинок.
Обозначенные циф-
рами буквы по-
ставь по порядку по
горизонтали и вер-
тикали. И ты узнаешь
времена года.

Рис. Е. ГЛАДИКОВОЙ

Милосердие 70553

Цена 1 коп.